

Глава 14. Отвергнутый и одинокий

— Устал, верно?

В тот миг, когда силы окончательно покинули Цуй Яна и он уже готов был рухнуть на землю, чья-то рука крепко подхватила его под локоть, не давая упасть.

Лу Фэн!

Цуй Ян замер. Почему брат Лу вернулся? Не веря своим глазам, он вскинул голову и преданно, точно потерявшийся щенок, посмотрел на Лу Фэна.

Заходящее солнце еще касалось горизонта, и его прощальные лучи золотили чистое, нежное лицо юноши. На фоне деревенских жителей кожа Цуй Яна казалась ослепительно белой, почти прозрачной, а в его ясных и глубоких глазах дрожали отблески заката.

Лу Фэну вдруг вспомнилось, как в детстве он ходил с матерью на храмовые представления. Там со сцены пели: «Взгляд её — точно осенние воды, в которых сияет ясный месяц». Прежде он думал, что это лишь красивые слова из пьес, но сейчас понял: нет, всё правда. У этого торговца сушеной рыбой были невероятно красивые глаза — прекраснее, чем у любой девушки в их деревне.

И почему он только застыл в таком оцепенении?

«Видно, и впрямь измотался», — решил Лу Фэн. Он мельком глянул на коромысло Цуй Яна: тяжеленное, куда тяжелее его собственной охапки дров. Подтянув парня повыше, он дружелюбно усмехнулся:

— Давай-ка я подсоблю, донесу за тебя?

Цуй Ян наконец пришел в себя. Значит, Лу Фэн вернулся лишь потому, что пожалел его, увидев непосильную ношу. Ничего более.

Юноша постарался успокоиться, но тут же озадачился: неужели Лу Фэн совсем ничего не почувствовал?

Пока он терялся в догадках, тот спросил снова:

— Что с тобой? Ноги не держат? Давай я сперва рыбу отнесу, а потом вернусь за тобой — на закорках докачу?

— А? Нет! — Цуй Ян поспешно взял себя в руки и заставил себя улыбнуться. — Просто давно не таскал такой тяжести. До деревни дошел, а у самого в голове всё помутилось. Будь добр, брат Лу, помоги донести до дома.

Лу Фэн кивнул и, подойдя к корзинам, привычным движением вскинул коромысло на плечо. Цуй Ян отступил на пару шагов, не сводя с него глаз. На Лу Фэне была лишь простая грубая куртка. Хоть осень и вступила в свои права, холода еще не нагрянули, и под тонкой тканью отчетливо проступал рельеф его могучего тела. В каждом движении, в том, как напрягались мышцы спины под грузом, чувствовалась грубая, уверенная мощь.

Лицо Цуй Яна опалило жаром. В памяти всплыл дневной разговор с У Мосюанем, и он горько вздохнул: «Как же мне не хочется быть ему просто братом...»

Они молча дошли до старого дома Бао Цюшэна.

Цуй Ян достал ключ и отпер парадную дверь. Они вошли во дворик, чистый и прибранный. На вымощенной камнем площадке в последних лучах солнца отчетливо проступил узор. Это была прекрасная лotosовая чаша, вырезанная в камне так искусно, будто цветок вот-вот распухнет.

— Брат Лу, у тебя золотые руки, — не удержался от похвалы Цуй Ян. — Этот лотос совсем как живой.

— Тебе нравится, и славно, — улыбнулся Лу Фэн, опуская корзины там, куда указал хозяин. — Сам не знаю, почему мне так приглянулся этот цветок. В наших горах ведь только ручьи, лотосам там негде расти.

Цуй Ян вздрогнул. В горах — нет, но в уезде Шаньинь, где они жили детьми, лotosовые пруды тянулись до самого горизонта. Лотос давал семена, в иле таились сочные корни, а широкие листья были незаменимы на кухне. Летом детвора вечно пропадала у воды: они брызгали на листья и смотрели, как капли, точно жемчужины, катаются по бархатистой зелени, прежде чем кануть в глубину.

А еще они воровали незрелые семенные коробочки. Однажды Цуй Ян, тогда еще совсем кроха, попался. Отец уже замахнулся для тяжелой оплеухи, но Лу Фэн заслонил его собой, крича, что это он подговорил младшего. Отец всё понял, но бить чужого ребенка не стал. Зато дома Лу Фэну крепко досталось от своего родителя.

Цуй Ян помнил это всю жизнь. Он затрепетал и осторожно, боясь спугнуть мгновение, спросил:

— А может... может, ты и раньше любил лotosы, просто... позабыл об этом?

Лу Фэн замер. В наступивших сумерках Цуй Ян не видел его лица, лишь слышал, как часто колотится его собственное сердце в ожидании чуда. Но чуда не случилось.

— Может быть, — глухо отозвался Лу Фэн.

Он явно не желал продолжать этот разговор. Оглядев пустой дом, где еще не было даже самых необходимых вещей, он спросил:

— Темно уже. Тебе фонарь не одолжить?

— Не нужно.

Цуй Ян пошарил в корзине и достал сверток. Внутри оказался изящный масляный фонарь. Щелкнуло огниво, вспыхнул фитилек, и свет разлился через прозрачные грани. Масло не проливалось, а пламя было надежно укрыто от сквозняков. Лу Фэн, никогда не видевший подобной диковины, невольно засмотрелся.

— Это заморский фонарь, моряки такими на кораблях пользуются, — пояснил Цуй Ян, радуясь интересу друга. — Стенки из западного стекла, им никакой ветер не страшен.

— Заморская вещь... И впрямь искусно сработано, — признал Лу Фэн.

— Если нравится, я тебе такой же подарю, — воодушевленно подхватил Цуй Ян. — Стекло бывает не только прозрачным, но и цветным. Зажжешь такой фонарь — и по всей комнате радуга заиграет, красота неопишуемая!

Договорить он не успел.

— Не надо, — отрезал Лу Фэн. Голос его стал холодным и твердым.

Цуй Ян осекся. Никогда прежде Лу Фэн не разговаривал с ним в таком тоне. Он тревожно сжался. Только что, когда тот помогал нести корзины, Цуй Яну почудилось, что лед растаял. Но этот резкий отказ, точно удар хлыстом, напомнил: всё только начинается.

— Господин Цуй, — заговорил Лу Фэн, и само это официальное обращение больно резануло по ушам. — Благодарю тебя за помощь.

Он имел в виду те деньги, которые Цуй Ян помог ему выбить из старого Чэня.

— Я уже принял от тебя одно благодеяние. Но не в моих правилах брать то, чего я не заработал. Больше я ничего не приму.

Цуй Ян почувствовал, как его окатило ледяной водой. Он задохнулся от незаслуженной обиды, глаза защипало. Силясь сохранить остатки достоинства, он ответил дрогнувшим голосом:

— Какое же это благодеяние? Мне нужно было починить дом, ты подвернулся под руку — вот и всё.

— Каменоломня недалеко, ты и сам мог туда сходить, когда рыбой торговал, — возразил Лу Фэн.

Цуй Ян шмыгнув носом, отчаянно ища оправдания:

— И всё же... Ты ведь не обманул меня, выбрал лучший камень. Если бы не ты, я бы впросак попал. Это мне стоит тебя благодарить!

— Я лишь делал свою работу. Ты и так дал мне заработать. Если бы я еще и на камне тебя обделил — не видать бы мне покоя перед богом и совестью.

Лу Фэн отметал любые попытки сближения, обрывая все нити. Цуй Ян слушал его сухие, подчеркнуто вежливые слова, и в ушах у него стоял гул. Он даже не заметил, как гость попрощался и затворил за собой дверь.

Шестигранный стеклянный фонарь с негромким звоном выпал из его ослабевших пальцев. Стекло разбилось, масло растеклось по чистым плитам. Пламя вспыхнуло ярко, лизнуло камень, но, не найдя пищи, вскоре угасло, оставив после себя лишь едкий дымок и черное пятно на лотосовом узоре.

Два дня спустя, на закате, к Лу Фэну заглянул дядя Цю. Вид у него был торжествующий.

— Ну что, парень, небось засиделся дома без дела? — весело спросил он прямо с порога.

Лу Фэн, как раз вернувшийся из леса и хлопотавший у печи, радушно встретил гостя:

— Какое там «без дела», дядя Цю! Каждый день в горы за дровами, а потом в город — продавать.

— Молодец! — одобрительно кивнул тот. — Другой бы на твоём месте, разбогатев, в разгул пустился, а ты за труд держишься. — Он мельком взглянул на Данянь Лу и добавил: — Хорошего сына вырастила, хозяйка. Быть ему большим человеком.

Мать Лу Фэна лишь грустно улыбнулась:

— Не надо нам величия. Лишь бы жил спокойно.

Дядя Цю, знавший о бедах их семьи, не стал спорить, а перешел к делу:

— Я вот зачем пришел. Старик Чэнь продал каменоломню. Новый хозяин — человек занятой, делами управлять некогда, вот и поставил меня за главного. Теперь я решаю, кого брать, а кого гнать. О тебе в первую очередь подумал. Отдыхай эти дни, побуть с матерью, а как бумаги подпишем — выходи на работу.

Лу Фэн просиял. Махать топором в лесу за несколько медных монет — разве это сравнится с заработком на камне? Он поспешил поблагодарить старика.

— Не меня благодари, — отмахнулся дядя Цю и, указав подбородком в сторону дома Бао Цюшэна, понизил голос: — Благодарю господина Цуя. Это человек с большой душой и великим умом. Держись его, парень, и горя знать не будешь.

Лу Фэн осекся, радость вмиг увяла. Он неловко замялся, не зная, что ответить.

— Что такое? — удивился дядя Цю.

Тогда Лу Фэн рассказал о решении, которое они приняли с матерью. О том, что Цуй Ян слишком непрост, что за его добротой может крыться опасность, и что им, людям без роду и племени, лучше держаться от таких подальше, чтобы не навлечь беду.

Дядя Цю только крикнул и хлопнул себя по колену:

— Ох, хозяйка, ну и намудрили вы!

Видя их недоумение, он пояснил:

— Я у нового хозяина всё разузнал. Старик Чэнь не на господина Цуя в обиде должен быть, а на сынка своего непутевого. Если бы тот дурень не вздумал мошенничать, Чэнь бы просто штраф заплатил за плохой камень для Лавки Чжэньпиньцзай, да и дело с концом. Но сынок его таких дров наломал, что никакой каменоломни не хватит расплатиться. И знаешь, почему старик всё же при деньгах остался и сына из тюрьмы выкупил? Потому что Лавка Чжэньпиньцзай вдруг милость проявила — приняла товар по честной цене. А ведь это господин Цуй за них словечко замолвил! Был бы он злым человеком — стер бы их в порошок, и сгнил бы этот малый в кандалах.

Мать Лу Фэна замерла. Она и представить не могла, что всё было именно так. Выходит, этот

торговец сушеной рыбой — и впрямь человек редкой доброты. Она тяжело вздохнула.

— Послушай меня, хозяйка, — продолжал дядя Цю. — Ты вырастила А-Фэна настоящим мужчиной. Неужто хочешь, чтобы он весь век в этой дыре прозябал? Ему ведь и жениться надо, и детей растить. А кто в нашей деревне ему девку отдаст? Разве что в примаки возьмут, да и там жизни не дадут, попрекать каждым куском будут.

Данян Лу снова вздохнула. Она и сама это знала. Но мир за пределами деревни Пиньян казался ей слишком страшным.

— Эх, пойми ты: если придет настоящая гроза, за забором деревни Пиньян не отсидишься. Чтобы выжить, сила нужна и ум, — твердо закончил дядя Цю.

В комнате повисла тишина. Долго мать Лу Фэна кусала губы, глядя в пустоту. Наконец она подняла глаза на сына:

— А-Фэн, делай, как дядя Цю говорит.

Сердце Лу Фэна радостно екнуло. С того самого вечера, когда он оставил Цуй Яна, в груди у него точно заноза сидела. Голос юноши — тихий, сорванный, с затаенной обидой — преследовал его по ночам. И лишь теперь, после слов матери, эта невидимая колючка наконец вышла, и на душе стало удивительно легко.

Он с радостью вызвался проводить дядю Цю.

Проходя мимо дома Бао Цюшэна, Лу Фэн поймал себя на мысли, что с того самого дня он не видел здесь никаких признаков жизни. Он думал, что они просто разминулись — ведь он уходил затемно и возвращался поздно.

Но сейчас, в лунном свете, он увидел, что ворота двора всё так же приоткрыты — ровно в том же положении, как когда он уходил.

Лу Фэн замер. Тревожное предчувствие холодком пробежало по спине.

Оставив дядю Цю, он бросился к дому. Короткий стук — ответа нет. Толкнув калитку, он вбежал во двор.

Лунный свет заливал каменные плиты. На лотосовом узоре чернело уродливое пятно саж. А на ступенях крыльца, скорчившись от холода, неподвижно лежал человек.

Это был Цуй Ян.

<http://bllate.org/book/17486/1711493>